

СПОРТИВНАЯ СТРАСТЬ

Алекс Винтер

ШТРАФНОЙ УДАР
СЕРДЦА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В50

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии А. Зинина

Винтер, Алекс.
В50 Штрафной удар сердца / Алекс Винтер. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-203950-8

Антон, талантливый хоккеист, найден мертвым в бассейне, и это парализует жизнь спортивной школы.

Алекс, фигуристка с сомнительными перспективами, оказывается вовлеченной в тайну его смерти.

Лабиринт скрытых страстей и клубок запутанных отношений разрывает Ледовый дворец изнутри. Гибель Антона — лишь верхушка айсберга в закрытом мире, где за внешним блеском скрываются обнаженные эмоции и неприглядные тайны. Атмосфера накаляется с каждым днем, а улики и свидетельства, как осколки льда, ранят сердца и приводят к новым откровениям. В расследование вплетаются амбиции, ревность, запретная любовь и разбитые надежды. Никто не останется в стороне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203950-8

© Винтер А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Несмотря на то что эта книга
частично основана на реальных событиях,
все ее персонажи вымышлены,
а совпадения случайны.*

ПРОЛОГ

Музыка, что доносится снаружи, не дает Елене покоя. Узнаваемая, но в то же самое время нет никакой возможности подпеть и как-то опознать, поскольку посторонние басы, что долбят в оконные стекла, обезличивают и мелодию, и исполнителя, точнее, исполнительницу. Где-то рядом с тренировочным центром стоит машина с открытыми окнами, откуда и доносится эта жуткая какофония звуков, убивающая нежную, трагическую музыку, которую так легко было вставить в программу. Елена все хочет спросить: что это такое? Но приятная мелодия обрывается, раздавленная бойким рэпом, совершенно безвкусным, тупым, прямолинейным, как отбойный молоток. Елена беспомощно оборачивается на подруг.

— Это бы взять на номер, но... — начинает она и смолкает.

Они валяются втроем, прямо на газоне, за крытым катком, где тренируются сами и где сейчас должна проходить тренировка команды хоккеистов. Если их тут увидят, то погонят вон с руганью: газон — предмет особой гордости местного флориста, нанятого за бешеные деньги. На вкус Елены ландшафт вокруг ледо-

вого дворца отвратительный, в духе начала двухтысячных, с непременными альпийскими горками, что напоминают могильные саркофаги, цветочными часами и мощенными плиткой дорожками. Часы сделали из петуний, часть из них при высадке не прижилась, поэтому циферблат зияет проплешинами. Только газон, изумрудно-зеленый, ровный, с редкими вкраплениями маргариток, радует глаз. Вдали небо наливается подозрительной синевой и пару раз огрызается беззвучными молниями. Душно до гула в висках, воздух начинает электризоваться, а ветер с севера все холоднее.

Ребята из хоккейной команды, мосластые, высокие, как молодые кони, подтягиваются ко входу, волоча с собой амуницию. Большая часть поглядывает на валяющихся девчонок с нескрываемым интересом. Кто-то отпускает пошлую шутку, и группка из трех парней начинает визгливо хохотать.

Елена поджимает губы. Таня опускает голову, а Алекс, напротив, поднимается, расправляет плечи, выставляя свой великолепный бюст, который перед тренировками приходится тщательно бинтовать. Гогот утихает, хотя можно было сразу догадаться, что валяться на газоне случайные люди не будут, а позволять себе пошлости в отношении коллег по сборной неспортивно и некрасиво. Но они все слишком молоды, поэтому ограничения и приличия еще не успевают затвердеть на подкорке.

— Придурки, — говорит Алекс. Не дождавшись от подруг одобрения, она потягивается и снова ложится.

— Я уже два дня хочу колы и шоколадного мороженого, — жалуется Алекс. — Аж в глазах темнеет. Вчера еле удержалась, чтобы не купить и не сожрать в два укуса. Намешала себе шоколадного протеина, пила и едва не плакала.

— Так купила бы, — лениво отвечает Елена. — Колу зеро, мороженое тоже есть без сахара. Чего так себя мучить?

— Тебе хорошо говорить, а у меня еще три кило лишних. На катке почти одышка. Хорошо еще, что мы одиночницы. Не представляю, как бы партнер меня выбрасывал. Я бы сносила бортики, как кегли в боулинге... Как вы, кстати, после вчерашнего?

Алекс бросает озабоченный взгляд на отдельно стоящее здание бассейна, где обычно тренируются пловцы, прыгуны в воду, а в свободные часы приходят поплавать и все остальные.

— Нормально, — пожимает плечами Елена.

Таня отвечает одновременно слабым голосом:

— Меня до сих пор мутит. Я вообще не пью пиво, а тут дала слабину. Это вы виноваты.

— Слабачка, — авторитетно констатирует Алекс, и все начинают смеяться, даже Таня.

Елена добавляет масла в огонь:

— Силком в тебя никто не лил.

— Да понятно, но не хотелось выглядеть пайдевичкой и выбиваться из толпы. Но прибухивать в ночи накануне тренировки — это неспортивно. Не хватало еще вылететь на отборе.

— Отдыхать иногда тоже надо, — назидательно говорит Алекс. — Тебе шел образ оторвы. А насчет отбора и волноваться не стоит. По-моему, нам не светит ничего, кроме скамейки запасных, даже если мы восемь раз подряд идеально выполним четверной аксель. А раз так, нечего трепать нервы. Жизнь не ограничивается одними тренировками.

Елена смотрит на Алекс и замечает пролетевшую тень на лице подруги, почти незаметную складку между бровей и дернувшиеся уголки губ. Бедняжка, ей и правда ничего не светит, скорее всего, это последний год, после которого с коньками придется попрощаться. Двадцать лет — возраст почти критичный, и, если до него добиться хороших результатов не удалось, дальше уже не получится, особенно при проблемах с дисциплиной и самоконтролем. А Алекс то и дело срывается, потом сидит на диетах, теряя время и силы. Для фигуристки в ней все стало «слишком». Она резко выросла, раздалась в бедрах, а аккуратный бюст вспух до почти устрашающих размеров. Ей все хуже удавались обязательные элементы, отчего Алекс приходила в отчаяние, а тренер уже готов был отказаться от нее. Таня тоже чувствует неладное и потому топливо пытается разрядить обстановку.

— Конечно, надо отрываться. Только если мы сильно оторвемся, кто же нас потом пришьет?

Секундная пауза, а потом они начинают смеяться, нервически, почти с истерикой. Таня лежит на спине и дрыгает в воздухе ногами, Елена закрывает

лицо руками, а Алекс гогочет, словно молодая гусыня. Напряжение, тяжелые мысли — все отступает перед молодой беззаботностью. И только где-то в глубине души еще тлеет крохотная червоточина неопределенности, смешанная со страхом и желанием что-то исправить, повернуть назад, туда, где еще была такая возможность.

Алекс вновь оглядывается на бассейн и даже приподнимается, щурясь и вглядываясь вдаль. Складка между ее бровей проступает все отчетливее.

— По-моему, там что-то происходит, — говорит она. Подруги оборачиваются на здание бассейна, где у дверей действительно начинается какая-то запыленная возня.

— Да, что-то есть, — соглашается Таня и испуганно добавляет: — Но это же не может быть?..

— Не мели ерунды, — обрывает Алекс. Ошалев от собственной смелости, Таня показывает ей средний палец. Подруги вновь хохочут, но смех быстро прерывается, поскольку каждой стало не по себе. Алекс решительно поднимается, отряхивает спортивные штаны и толстовку и, подхватив рюкзак, командует:

— Пошли, посмотрим.

Они торопливо пересекают газон, игнорируя тропинки и не думая, что, если их застукают за этим святотатством, головы точно не сносить. У дверей уже собралась небольшая толпа, а вахтер делает жалкую попытку остановить напирających любопытствующих, но его попытки настолько неубедительны, что

его просто сносят. На первом этаже пройти к цели уже невозможно, коридор перегорожен директором и охранником. Девушки, не сговариваясь, сворачивают на лестницу и бегут к вышкам. Двери на втором этаже не запирают, никому не приходит в голову выстроить охрану там. Алекс несется первой, Таня и Елена находятся в арьергарде, не отставая от своей предводительницы. Продираясь сквозь толпу, они вваливаются в распахнутые двери бассейна, принимая в лицо привычный удар влажного, смешанного с хлоркой воздуха. Они пробегают по коридору, сквозь душевые, раздевалки и выскакивают на втором этаже. Стеклоанное ограждение не мешает видеть происходящее внизу.

Там, у самого края бассейна, лежит тело парня с раскинутыми в стороны руками. Его голова слегка свешивается с бортика, на безвольной шее острым углом торчит кадык. Багровая лужа расплывается по белой плитке, затекая в швы и расплываясь в прозрачной воде красным облаком. По безжизненной позе и вытянутым конечностям легко догадаться, что парень внизу окончательно и бесповоротно мертв.

СЕЙЧАС

Было невыносимо душно. Я оттянул ворот рубашки и подул на грудь, но легче стало лишь на какую-то долю секунды. Спина была абсолютно мокрой, ткань прилипала к коже, мне казалось, что от меня разит потом, как от лошади. Вдвойне невыносимее было то, что рядом, в шаговой доступности, синела поверхность тепловатой воды, так и маня к себе: мол, брось, Стас, и ты, и я знаем, чего ты хочешь на самом деле. И я бы прыгнул, честное слово, скинув с себя одежду и обувь. Мешали разве что две вещи: работа и свеженький труп, кровь с разбитой головы которого текла в воду.

Еще час назад, приехав на вызов, я подумал, что это будет не просто очередное дело, а какая-то муть, где все запутается с самого начала, начнут совать палки в колеса, в итоге оно закончится висяком. Первично осмотрев тело парня, я лишь вздохнул. Дело не просто пованивало, а смердело со страшной силой.

Я знал это лицо с закатившимися голубыми глазами, один из которых налился кровью и выглядел особенно жутко. Но даже смерть не сумела обезобразить парня так, чтобы он выглядел неприглядно.

Убитым оказался самый юный нападающий сборной «Стальные волки» Антон Романов, восходящая звезда, рекламное лицо нескольких демократичных брендов, подающий надежды и все такое... На Романова делали ставки, прогнозировали блестящее будущее, поскольку на льду этот парень творил настоящие чудеса, гоняя на свои «гагах», как локомотив на рельсах, быстро и неотвратно, и горе было тем, кто попадался ему на пути. Двадцатилетний, не оперившийся птенец, сносил настоящих мамонтов, после чего лупил в десятку как из пушки. Ходили разговоры, что Романова вот-вот перекупят, но разговоры скисли после целой серии сокрушительных поражений «Волков», на поверку оказавшимися не такими уж и стальными.

Романов лежал на белом, подогретом кафеле бог знает сколько времени, в одних только плавках. Одежду, сложенную прямо на скамье неаккуратной кучкой, я нашел в раздевалке, там же, засунутый в довольно грязный кроссовок, был и «яблочный» телефон, который я безуспешно попытался разблокировать, а в результате просто отдал его на откуп эксперту. Во втором кроссовке я нашел ключи от машины, невольно удивившись, что Романов оставлял эти вещи не в карманах. Забрал ключи и пошел осматривать машину.

В салоне ничего интересного не нашлось. Машину словно вылизали, она хищно сверкала лаком, явно недавно побывав на мойке. Под передним пассажир-

ским сиденьем я нашел крупный, заметно подвявший лепесток цветка, скорее всего, розы. Я аккуратно подцепил его и положил в пакет. Багажник тоже не порадовал — ничего лишнего, даже запаски нет. Я запер машину и вернулся в бассейн.

Агата Лебедева из Следственного комитета приехала последней. В помещение бассейна она вошла прямо с улицы, не сняв плаща, о чем наверняка быстро пожалела, но виду не подала. Отхлебнув из бумажного стаканчика кофе, явно купленного в местном автомате, она встала над трупом и без особого интереса поглядела на лицо. С ее выдавших виды демисезонных берцев уже натекла грязная лужа, но Лебедева плевать на это хотела и проигнорировала укоризненный взгляд эксперта, которому и без того битый час пришлось возиться в сырости. Я же глядел на нее с любопытством: узнала она покойника или нет? И поняла ли, что, если мы по горячим следам не возьмем убийцу, нам придется отбредаться от Спортивного комитета, тренеров, депутатов, прессы, блогеров, возмущенной общественности, которой до всего есть дело.

Я подошел и поздоровался. Агата сунула мне стаканчик с недопитым кофе, словно я был официантом. Я огляделся по сторонам и, не найдя ничего лучше, поставил его на мокрый пол.

— Стас, — сказала Агата.

— Агата, — ответил я.

Со стороны это наверняка выглядело совершенно по-идиотски. Впрочем, с Лебедевой не бывает про-